

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

1. Вступление в брачные правоотношения. Древним способом заключения брака у славянских народов было похищение невесты женихом. Со ссылкой на летописный источник об этом свидетельствует профессор М.Ф. Владимирский-Буданов в книге “Обзор истории русского права”, когда сообщает о русском племени древлян, у которых существовал обычай похищать молодых женщин для последующего вступления в брачный союз [1, 411]. Похищение женщин как способ заключения брака было известно сербам и хорватам и практиковалось до конца XIX в. несмотря на жесткие санкции со стороны государства. Так, статьи 51 бистрицкого и призренского списков “Законника Стефана Душана” предусматривали суровые наказания за указанные действия: “Если властелин похитит властелицу, отсечь ему обе руки и отрезать нос. Если же серб (свободный крестьянин) похитит властелицу, то будет повешен. Если похитит равную себе, отсечь ему руки и отрезать нос”.

Наличие данного обычая в Далматии подтверждается ст. 113 Полицкого статута, принятой в качестве дополнения в 1605 г. Причиной, вызвавшей к жизни разработку и принятие ст. 113 “Об умыкании девиц силой” в Полицком статуте, стало похищение девушки, которое совершил почтенный житель Полицы Стипан Качунич. С. Качунич пожелал женить своего сына на похищенной. Но оказалось, что похищенная девушка была уже обручена с другим молодым человеком по закону Полицкой земли. Этот проступок вызвал большое негодование и осуждение в Полицкой общине. Стипан Качунич был приговорен судом Полицы к уплате штрафа в 50 толорихов (толорих — читать как талер. Талер — золотая и серебряная монета весом в 28 г. Впервые монета отчеканена в 1518 г. в Богемии (Чехия) из серебра. Указанная денежная единица имела хождение в конце XVI — начале XVII вв. в странах центральной и западной Европы — В.Е.), его сын (был соучастником — В.Е.) — в 20 толорихов, а остальные участники акции по умыканию невесты — по 10 толорихов каждый [2, 293–294]. Постановление ст. 113 “Об умыкании девиц силой” Полицкого статута гласит: “В лето от его [Иисуса] рождения 1605 г., 4 сентября.

Каждый должен знать, что во время княжения князя господина Стипана Никулича и при воеводстве Ивана Сичича, постановила вся почтенная община Полицкая единодушно и согласно, чтобы никакой полицанин не умыкал силой девиц. Если бы кто это учинил против почтенной общины и умыкнул девицу силой, пусть почтенная община пойдет к его дому и развалит его, а имущество возьмет в общину Полицкую, так же имущество тех, кто ему помогал...” [3, 293]. Следовательно, санкция в отношении правонарушителей в ст. 113 Полицкого статута предусмотрена была серьезная — конфискация имущества.

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и международного права, зам. декана факультета права БГЭУ.

С далеких времен дошел до нас старый славянский обычай мешать жениху войти в дом невесты. Этот обычай известен белорусам, русским, украинцам, болгарам и сербам. При этом, преодолевая сопротивление друзей и близких невесты, друзья жениха у болгар и сербов по обычаю были вооружены.

Другим распространенным способом заключения брака была покупка жены. Нередко выкуп вносил муж или представители его рода с целью возмещения убытков семье невесты и предотвращения кровной мести со стороны родственников невесты. Типичным выкупом в Сербии за будущую жену была передача женихом обуви и одежды семье невесты.

При этом следует иметь в виду тот факт, что у формирующегося господствующего класса феодалов уже в период раннего средневековья выкуп превратился в архаичский пережиток прошлого, так как для властелича, который жил за счет эксплуатации чужого труда, женщина уже не являлась предметом рабочей силы. Это стало причиной формирования в раннефеодальной Сербии института приданного.

В то же время классовая дифференциация в сербском раннефеодальном обществе вызвала массовое разорение крестьянства. Уплата выкупа за невесту стала вызывать большие затруднения. Именно поэтому широкое распространение получил третий способ заключения брака, когда невеста сама переходила в дом жениха. Данное положение исключало необходимость вносить выкуп ее семье.

В настоящее время сложно говорить об обязательных условиях признания действительным языческого брака. Остается неизвестным возрастной ценз жениха и невесты, допускающий возможность бракосочетания. Не выяснена и степень кровного родства, которая могла бы стать препятствием для вступления в брак, и ряд других вопросов. Однако крайне мягкие санкции за кровосмешение, которые предусматривал “Закон Судный Людям” по сравнению с “Эклогой”, где предусматривалось разлучение вместо смертной казни, позволяет судить о том, что языческое право не ограничивало заключение браков между родственниками. Например, ст. 12 “Закона Судного Людям”, устанавливая новые правила бракосочетания, не могла игнорировать множество имевшихся браков среди современников по языческому обряду, а значит, не могла вводить суровые санкции в отношении брачных союзов среди родственников.

Языческое право позволяло иметь нескольких жен на законном основании. Об этом свидетельствует и ст. 13 “Закона Судного Людям”. Следует учесть, что такую возможность имели только представители разбогатевшей как родовой, так и служилой аристократии. В крестьянской среде подобные обычаи и традиции прижиться не могли.

С принятием христианства правовая регламентация брака изменилась. Контроль церкви за институтом брака стал инструментом усиления влияния церкви как на отдельную личность, так и на общество в целом. Поэтому брак ею был провозглашен таинством. Он стал заключаться на основе специального церковного обряда — венчания. При этом следует отметить, что первоначально венчание не являлось обязательным обрядом для христиан. В Сербии венчание стало обязательным в X—XI вв. Однако несмотря на этот факт, брак уже считался христианским. Заключение брака между лицами христианского вероисповедания было достаточным основанием, чтобы считать его христианским браком. Он заключался на основании простого соглашения сторон и их родителей, и для его законности не нужно было церковного благословения. Следовательно, брак между язычниками становился недействительным. Более того, поскольку языческий брак сопровождался определенным религиозным ритуалом, то даже и наказывался. Например, ст. 1 “Закона Судного Людям” гласит: любое село, в котором совершаются языческие обряды, должно быть отдано “божьему храму” со всем его имуществом [4, 104]. Уместно в этой связи отметить, что хотя церковь и провозгласила брак таинством, она не смогла изменить его прежней сущности как купли-продажи. Брак особенно среди представителей господствующего класса по-прежнему оставался браком по расчету. На это указывают брачные нормы “Эклоги”, которые регламентируют положение о браке и помолвке среди представителей господствующего класса.

Помолвка — это взаимное обещание мужчины и женщины о вступлении в брак. Согласно славянской редакции “Эклоги”, помолвка была действительной, если заключавшие ее были православными христианами, им исполнилось семнадцать лет и было достигнуто согласие на заключение брака между ними со стороны их родителей (славянская редакция “Эклоги”, титул I, ст. 1).

“Эклога” предусматривает и возможность расторжения помолвки. Она предписывает, что виновный в расторжении помолвки должен потерять те добрачные дары, которые он дал при заключении помолвки, и вернуть в двойном размере те, которые получил от противоположной стороны.

О браке по расчету в феодальной Сербии свидетельствует и другое постановление “Эклоги”, также относящееся к вопросу о помолвке. Согласно этому постановлению, если жених откладывал заключение брака в течение двух лет, то невеста могла вступить в брак с другим и удержать предбрачные подарки, которые сделал ей первый жених.

Источники средневекового сербского права определяют несколько условий правомочного заключения брака. Во-первых, чтобы вступающие в брак достигли определенного возраста. Славянская редакция “Эклоги” и “Номоканон Святого Саввы” (“Кормчая книга”) определили брачный возраст для мужчин в 18 лет, для женщин — 16 лет. Во-вторых, согласие вступающих в брак и их родителей. В этом требовании закона отражена сущность феодального брака — брака по расчету. При его заключении имели важное значение имущественные соображения родителей, которым, в особенности отцу, принадлежало решающее слово. Решение родителей жениха и невесты было определяющим в деле заключения брака. По постановлению славянской редакции “Эклоги” брак заключался после получения согласия родителей.

“Эклога” запрещала вступать в брак близким родственникам. Родство по прямой линии было препятствием для заключения брачного союза, а родство по боковой линии было препятствием для заключения брака только до шестой степени родства, т.е. троюродные братья и сестры по закону не могли вступать в брак.

Наряду с кровным родством “Эклога” препятствовала заключению брака и между свойственниками. Нельзя было жениться на матери, дочерях и сестрах своей жены. Данное положение было актуальным и для жены.

В соответствии с нормами “Эклоги” препятствием для вступления в брак было и духовное родство. Крестный отец и его крестница, крестная мать и ее крестник не могли вступать в брак друг с другом. Характерной санкцией для ослушников была норма ст. 7 “Закона Судного Людям”, в соответствии с которой, если кто-либо женится на своей куме, то ему отрезали нос.

“Эклога” не предусматривала обряд церковного венчания в качестве условия законности брака. Этот обряд был введен в средневековой Сербии в XIII в. архиепископом Саввой Неманичем и стал обязательным для всего населения страны на основании правовой нормы, закрепленной в ст. 3 “Законника Стефана Душана”, которая гласит: “И ни один брак да не совершится без венчания, и если же совершится без благословения и церковного опроса, такой да расторгнется” [5, 102; 6, 51]. Если нарушалось положение ст. 3, то вступала в силу ст. 9 “Законника Стефана Душана”, которая гласит: “И если окажется еретиком оживившийся на христианке, то если он захочет, пусть крестится и переходит в христианство, иначе лишится он жены и детей своих, передав при этом им часть своего имущества, а сам будет изгнан” [6, 52]. Здесь просматривается ограничение правоспособности лица, которое вызвано желанием верховной власти пресечь распространение ереси на территории страны. Вместе с тем из указанной статьи следует, что еретик не имел права состоять в браке с христианкой, но при этом их брак оставался действительным, так как последний, принимая православие, автоматически восстанавливал утраченный статус мужа и отца.

2. Институт брачных отношений. Христианский брак предоставлял формальное равноправие мужчине и женщине, которое в юридическом и экономическом положении супругов сводилось к следующему. Жена могла иметь свое имущество отдельно от имущества мужа. Муж, в свою очередь, должен был хранить нетронутым приданное жены (“Эклога”, титул II, ст. 3; славянская редакция “Эклоги”, титул II, ст. 3). Муж не имел права распоряжаться личным имуществом жены и отчуждать его. Кредиторы мужа не имели права посягать на приданное жены. Ст. 2, титул XI славянской редакции “Эклоги” гласит: “Если кто-нибудь, имея жену, возьмет займы у кого-либо и не в состоянии будет вернуть долг, то его жена не отвечает за него и не платит займодавцу из своего приданного, кроме тех случаев, когда будет установлено, что она добровольно задолжала вместе со своим мужем”.

После смерти мужа ни его кредиторы, ни даже представители государственной казны не имели права входить в его дом и брать что-либо до тех пор, пока жена не

возьмет свое приданное (“Эклога”, титул III, ст. 2; славянская редакция “Эклоги”, титул III, ст. 2). Как видно из проиллюстрированных положений, права жены на ее приданное имеют преимущество даже перед привилегиями государственной казны.

В патриархальной сербской семье власть отца была весьма велика. Он мог прибегать к телесным наказаниям своих детей, изгоняя их из дому, и даже продавать в рабство. С течением времени, когда патриархальную сменила моногамная семья, власть отца была значительно ограничена. Отец сохранил свою дисциплинарную власть в семье, но не мог подвергнуть детей тяжелым телесным наказаниям, влекущим за собою увечья.

По сербскому феодальному праву, отцовская власть продолжала существовать до тех пор, пока сохранялась экономическая зависимость сына или дочери от родителей, невзирая на их возраст. Родительская власть осуществлялась до женитьбы сына или выхода замуж дочери. Она, следовательно, не зависела от достижения совершеннолетия последними. Полную дееспособность дети и другие члены нисходящей ветви рода приобретали во время самостоятельной жизни, т.е. тогда, когда сами становились главами семей. До этого времени дети должны были слушать родителей и подчиняться их воле. Об этом гласит и ст. 6, титула II “Эклоги”, которая воспроизводит предписания христианской религии относительно взаимоотношений детей и родителей. “Делом и словом почитай отца своего и мать свою, — говорится в указанной выше статье, — для того чтобы дошло до тебя их благословение, так как отцовское благословение укрепляет дома детей, а материнское проклятие подрывает их основы”.

Впрочем, “Эклога” лишь узаконила существующее положение вещей. Почитание детьми родителей и повиновение им существовало еще до установления христианского брака.

Весьма важным и актуальным постановлением ст. 5, титула II “Эклоги” является предоставление права детям от первого брака требовать от овдовевшей и вышедшей вторично замуж матери имущество своего отца. Данное право предоставлялось детям от первого брака и в отношении их овдовевшего отца, который женился вторично. Однако в этом случае дети должны были быть уже совершеннолетними.

С целью защиты прав детей от первого брака “Эклога” предусматривает, что муж не имеет права подарить своей второй жене имущество, в которое включается доля детей от первого брака (славянская редакция “Эклоги”, титул II, ст. 7).

В случае смерти отца в отношении малолетних детей устанавливалась опека со стороны лица, которое заменяло умершего в его заботах о несовершеннолетних детях. Согласно ст. 5, титула II славянской редакции “Эклоги”, “если, имея детей, муж умрет раньше своей жены, т.е. матери детей, то жена является собственником... всего имущества мужа и несет все заботы по управлению домом”. Следовательно, если жена осталась живой после смерти мужа, то забота о детях, рожденных в браке, возлагалась на нее и опека не назначалась. К назначению опекуна прибегали в случае смерти обоих родителей. При этом следует отметить, что данный вопрос был характерен только для небольшой индивидуальной семьи, где смерть родителей была способна поставить детей в беспомощное положение. В задруге, где об оставшихся несовершеннолетних детях заботились все члены большой семьи, необходимости в назначении опекуна не было, так как все члены задруги были представлены в своих отношениях с третьими лицами главой задруги — старейшиной.

Литература

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб, 1909.
2. *Греков Б.Д.* Полиця: опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951.
3. *Полицкий статут* /Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1951.
4. *Закон Судный Людям краткой редакции* / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.
5. *Juperek K.* Историја Срба. I свеска. Београд, 1922.
6. *Душанов законик: бистрички препис* / Превео Д. Богданови . Београд, 1994.

(Продолжение в следующем номере.)